

Город на горизонте

Вы — обычный человек. Вы живете обычной жизнью в обычном мире. И вдруг, за один день, за несколько часов одного дня, привычная жизнь рушится, расплзается, как промокашка под дождем, и вы открываете, что шагнули прямо ОТСЮДА в бездонные черные глубины космоса, и впереди вас ожидают невероятные...

Эдмонд Гамильтон «Молот Валькаров», аннотация.

1954 год

В это утро я проснулась резко, будто бы от окрика. Но такое со мной бывало довольно часто, так что я не удивилась. Комнату наполнял серый предутренний полумрак, сквозь неплотно прикрытые шторы пробивался обманчивый свет. Я встала, подошла к окну, а потом принялась торопливо одеваться. Делать это заставило меня то, что я там увидела.

Окна моей комнаты были обращены на восток и выходили на набережную, и я, если просыпалась достаточно рано, могла увидеть рассвет, занимающийся над городом. В это утро небо, отраженное рекой, показалось мне особенно удивительным: чистый, ровный градиент от ярко-желтого до темно-синего. Силуэт города был черным, четким, словно его вырезал художник из специальной бумаги, со вниманием отнесясь даже к небольшим деталям вроде труб теплоэлектроцентрали, вышек линии электропередач или вытяжек на крышах зданий.

Сунув фотокамеру в сумку, я ринулась к двери. Отец и мать уже встали — обоим нужно было отправляться на работу. Вид у них был сонный, и, кажется, они были недовольны моей возней, особенно суетливостью, с которой я одевалась. Я обменялась с ними парой ничего не значащих фраз и выскочила из дома.

Не то чтобы мои родители не одобряли моего увлечения фотографией. Просто иногда оно, с их точки зрения, не оправдывало такого поведения. В свою очередь, я не могла не признавать, что и мне порой оно доставляло чересчур много хлопот, потому что иногда просто не можешь остановить себя, заставить себя что-то не сделать. Вот как в это утро...

Нет, дело было, конечно, совсем не в утре. Дело было в пейзаже, который я каждый день своей жизни видела из окна и который, несмотря на это, мне никогда не надоедал. Более того: я была готова фотографировать его в разные времена года, при разной погоде, с разных точек. Если я не фотографировала его, мне хотелось его рисовать, но рисовать я почти не умела, так что получалось так себе, гротескно, неправдоподобно – лучше было все-таки фотографировать. В этом пейзаже будто бы не было ничего необычного, и в то же время он притягивал меня, словно загадка, изо дня в день маячащая перед глазами. Словно зашифрованное послание, которое я никак не могла разгадать. Порой я испытывала приступы отчаяния из-за того, что не понимала, почему меня так тянет к этому пейзажу, почему мне так важно иметь возможность видеть его.

В это утро мне не повезло. Я слишком долго собиралась – так я решила, когда выскочила на берег. Удивительный градиент померк, сменившись серо-голубым тоном. Странно и обидно было видеть, как быстро изменилось небо. Но сделать я ничего не могла. Настроение испортилось, и я вернулась домой.

Родители собирались на работу.

- Что случилось? – спросила меня мать.

- Свет ушел, - ответила я, но тут же забыла и вопрос, и ответ.

Видение удивительного неба, его зеркального отражения в реке и черной рубчатой полосы города стояло у меня перед глазами. При этом словно что-то крутилось у меня в голове, но я никак не могла ухватить эту мысль... или ощущение.

Неожиданно для самой себя, едва раздевшись, я принялась снова одеваться, причем с гораздо большей торопливостью, чем в прошлый раз. Едва зашнуровав ботинки, я снова выскочила из дома. Мать что-то крикнула мне вслед, но я не разобрала ее слов.

Вскоре я снова стояла на берегу. Серое небо, серая река – чуть темнее, чем небо – все было так, как я оставила это несколько минут назад. Нет, пейзаж не мог измениться так быстро. Может быть, то, что я видела из окна, было не настоящей картиной, а иллюзией, обрывком сна, который окончился не сразу после того, как я встала с постели?..

Я уже начала раздумывать о том, что буду делать теперь – возвращаться домой не хотелось, собираться на учебу было еще рано... Как вдруг небо над горизонтом начало стремительно светлеть, словно солнце решило ускориться и взойти как можно быстрее. Небо стало оранжевым, желтым, и над резко очертившимся силуэтом города в воздух взметнулся сияющий шар – солнце! Только странное солнце – дикое, словно сорвавшееся с цепи. Оно неслось по небу, словно все во Вселенной вдруг закрутилось быстрее, и в считанные секунды поднялось так высоко, как будто бы прошло несколько часов. Но это было еще не все. Следом за одним солнцем, озарившим горизонт, в небо взметнулось другое. По размеру оно было таким же, но, в отличие от первого, гладкого и сияющего, оно было темно-красным, в ямах и рывках, и светило тускло. Его круглая форма не полностью виднелась на небе. Тем не менее, второе солнце быстро догнало первое, и они закружились и принялись носиться, не то играя, не то охотясь друг на друга. Я выхватила камеру и закрутила объективом, пытаясь поймать в фокус это странное явление – когда еще такое увидишь, а тем более сфотографируешь!

Оба солнца метались по небу, закладывая головокружительные виражи. Я нажимала на кнопку спуска затвора, надеясь, что хотя бы несколько кадров получатся удачными. Но тут страшное, обессиливающее предчувствие

заставило меня опустить камеру. Я оглянулась в сторону, где солнце всходило раньше – в обычные, нормальные дни...

Низко над горизонтом, растянувшись неплотным облаком, висели огромные черные шары. Он висели неподвижно. Мне показалось, что я могу слышать тихий гул, который они издают.

Чувствуя, как ослабели руки, я все-таки подняла фотокамеру и нажала на спуск. В тот же миг шары взорвались, озаряя мир ослепительным белым светом.

А я ведь знала, что так будет. Всегда знала.

«Вы — обычный человек. Вы живете обычной жизнью в обычном мире. И вдруг, за один день, за несколько часов одного дня, привычная жизнь рушится, расплывается, как промокашка под дождем, и вы открываете, что шагнули прямо ОТСЮДА в бездонные черные глубины космоса, и впереди вас ожидают невероятные...» А ведь более полувека назад, когда началось освоение околоземного пространства, люди, наверное, так и представляли прорыв своей цивилизации в космос. Внезапно и ошеломляюще легко. Достижения, о которых сообщалось по радио и телевидению, окрыляли людей, и им казалось, что они сами вот-вот шагнут на поверхности иных планет. Один маленький шаг для человека и... Ничего. Потому что люди слишком самоуверенны и наивны. И потому что у Космоса на их планету свои планы.

Я пришла в себя, когда солнце стояло уже высоко – обычное, нормальное, ровно светящее солнце в обычном голубом небе. Взрывной волной на меня навалило какой-то куст, вывороченный из земли с корнем, но я без проблем выбралась из-под него. Набережная выглядела так, словно по ней прошелся ураган или цунами. Но на ней было много народа: люди разбирали завалы, в помощь им работала техника. Вокруг того места, где находилась я, никакие работы не велись. Меня или не заметили, или – что гораздо вероятнее – заметили, но не решились беспокоить.

Две девушки, стоявшие неподалеку, прервали свой разговор и обернулись на шум. Они посмотрели на меня. Когда они увидели камеру, все еще висевшую у меня на шее, на их лицах отразилась тревога, но они ничего мне не сказали.

Я отряхнула одежду и двинулась к месту, которое совсем недавно было обычным пустырем. Девушки на расстоянии последовали за мной. Я шла по расчищенной дороге, по колее, оставленной какой-то большой и тяжелой машиной. Направо, туда, где прежде тянулись жилые кварталы, я старалась не смотреть. А впереди, словно выстроенные в один миг небоскребы, возвышались жилые и рабочие модули. Они были из металла и темного стекла, и матовое сияние солнца растекалось по их плоскостям и граням.

Когда я подошла к крайнему модулю, девушки нагнали меня.

- Пойдешь внутрь? – спросила одна. Она все еще выглядела встревоженной.

Я погладила внешнюю стену. Жилой модуль Арнис. Я помнила его.

- Да. Найду кого-нибудь из руководства.

Двери передо мной плавно открылись. Модуль помнил меня.

Я вошла внутрь, надеясь, что девушки вернутся к своей работе. Но они пошли следом за мной, продолжая чего-то опасаться. Рот у той, что заговорила со мной, не закрывался, и я, убаюканная этой болтовней, не успела заметить, когда девушка перестала следовать за мной и стала идти рядом и даже провожать меня куда-то. Поднявшись на один из верхних этажей, мы прошли по длинному тихому коридору со стенами бежевого цвета.

- Вот, это свободный номер, можешь занять его, - остановившись у какой-то двери, сказала девушка. Нечто заискивающее было в ее взгляде и тоне голоса. – Тебе же надо привести себя в порядок.

Дверь была яично-белой, золотыми цифрами и буквами на ней был обозначен код. Я кивнула и вошла в номер. Девушки наконец-то оставили

меня, и я вздохнула с облегчением. Моим докучливым провожатым вряд ли стало спокойнее, но я так и не сумела понять, что их тревожило.

Номер был небольшой, с хорошим видом на так любившийся мне пейзаж. А я-то еще удивилась, почему я иногда видела его будто бы с высоты птичьего полета.

В номере было две комнаты: небольшая гостиная, обставленная мягкой мебелью, и спальня. В спальню я не заглядывала, равно как и в ванную комнату, хотя, наверное, следовало бы. Пройдя через гостиную, я вышла из номера через вторую дверь, которая вела не в холл, а прямо в соседний модуль. Это была Ариадна, модуль для отдыха персонала. Ее я помнила тоже. И – надо же! – здесь, на Земле, модули поставили по местному алфавиту.

В коридорах Ариадны было светлее и гораздо оживленнее. Почти сразу же я столкнулась с компанией молодых людей, которые весело разговаривали между собой. Меня они заметили, но не заострили на мне внимания. Я прошла дальше – мимо кафе, расположенного в большом блоке с прозрачными стенами, мимо салона одежды, мимо небольшого косметического кабинета, потом миновала перекресток и вышла в просторный холл, в котором стояла полукруглая фиолетово-белая стойка. Неподалеку от нее женщина с красиво уложенными светлыми волосами что-то объясняла нескольким молодым сотрудницам, одетым в одинаковую униформу. Слов я разобрать не могла, но, судя по тону, женщина сердилась, хоть и пыталась сдерживаться.

Заметив мое приближение, женщина обернулась, и я успела увидеть на ее лице неискреннюю улыбку, прежде чем она узнала меня и улыбнулась по-настоящему приветливо.

- А, это ты. Наконец-то. Иди, я сейчас подойду.

Я вернулась в противоположный конец коридора и уселась на один из удобных диванчиков, стоящих у стены, боком к окнам. Это была зона отдыха, и ко мне тут же подошла девушка. Впрочем, называть ее девушкой

было бы неверно: девочка, совсем ребенок с бледно-фиолетовыми волосами, светлой кожей, ярко-лиловыми глазами и блестящим лиловым лаком на ногтях. Одета девочка была в пушистые топик и шортики. И не подошла она ко мне, а скорее подползла, преданно заглядывая в глаза снизу вверх. Синтетический организм с несложной программой. Таких тут полно.

Молодой мужчина, подошедший ко мне следом, шикнул на девочку, и та убралась, будто бы ее и не было. Сам он, одарив меня обаятельной улыбкой, встал передо мной на одно колено, молча снял с меня обувь и носки и принялся разминать мои стопы. Было и больно, и приятно одновременно. Я откинулась на спинку дивана, чувствуя, что сознание уплывает. Тем не менее, я сумела различить в шуме коридора звуки шагов. Светловолосая женщина приблизилась и шикнула на молодого мужчину почти так же, как тот совсем недавно шикнул на девочку-синтетика. Учтиво поклонившись, мужчина исчез. Женщина заняла его место и взялась за его работу. После первых же движений она недовольно покачала головой. Ее квалификация была значительно выше, так что мне удавалось не терять сознание, пока она проверяла настройки и исправляла ошибки в работе кодов.

- Как я оказалась здесь? – спросила я.

- Как всегда, - ответила женщина, не отвлекаясь. – Аварийная посадка.

Какое-то время мы молчали. Затем она, не поднимая глаз, сказала:

- Приходили два человека. Женщина назвалась именем Полли, мужчина сказал, что его зовут Пол, - она бросила на меня быстрый взгляд. – Тебе это ни о чем не говорит?

Я улыбнулась. Мои родители были живы, и они искали меня.

- Ты сама-то помнишь, как тебя зовут? – спросила женщина. Раздражительность, кажется, все-таки стала постоянной чертой ее характера – за то время, пока мы не виделись.

- Конечно.

Я помнила имя, которое дали мне здешние родители, когда я появилась на свет. Но еще я помнила свой номер и даже то, как между собой называли

сотрудники технической службы нашу серию. Я всегда помнила это, только не знала, что с этим делать. А теперь объяснились и еще кое-какие странности – например, почему я иногда чувствовала себя пилотом собственного тела и получала такое удовольствие, когда двигалась быстро и ловко, или делала хорошие фотографии, словно была обязана отослать их кому-то для отчетности. Сознанию ведь не нужно ничего, чтобы существовать. Но ему нужна материальная оболочка, чтобы взаимодействовать с окружающей действительностью. А межпланетный ли это корабль или тело из плоти, не так уж важно.

Светловолосая женщина – аватар модуля – переключила на меня какие-то освободившиеся мощности, и я почувствовала, что снова заваливаюсь на спинку дивана и засыпаю. Ариадна что-то говорила мне – о том, куда мне следует наведаться, что сделать, что и кому сказать... Но я слышала ее голос лишь как отдаляющийся шум и уже не могла разобрать слов.

Я проснулась в собственной постели в своей комнате. Было слышно, как родители, поднявшись, собираются на работу, переговариваясь тихо, чтобы не разбудить меня. Я слышала их голоса, но разобрать слов не могла.

Я осторожно поднялась и подошла к окну. За ним брезжил серый рассвет, солнце еще не поднялось. Небо было бледное, река темнела, темнели и берега. Силуэт города на горизонте был окутан дымкой. Но казалось, стоит мне на секунду закрыть глаза, как этот пейзаж преобразится, чтобы уже никогда не быть прежним – но стать таким, каким я его всегда хотела увидеть, хотя даже не подозревала об этом.